

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головица, Владимирская, д. № 15.

1871.

АЛЕКСАНДРЪ ФОМИЧЪ ВЕЛЬТМАНЪ.

I.

11 января 1870 года, въ 6¹/₂ часовъ утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался, на 70-мъ году отъ роду, одинъ изъ достойныхъ русскихъ литераторовъ, предавший наукѣ, какъ наукѣ, и искусству, какъ искусству, Александръ Фомичъ Вельтманъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ московскихъ типическихъ труженниковъ, которые работаютъ съ утра до вечера, въ своемъ кабинетѣ, нигуда и никогда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій, и всецѣло преданы своему дѣлу. Подражателей имъ желать безнолезно, ибо могутъ-ли найтись охотники ворѣть надъ письменнымъ столомъ или за книгами, часовъ по 15-ти въ день, но нельзя не воздать имъ должной дани уваженія, даже мимо содержанія ихъ дѣятельности.

Съ живымъ, пылкимъ, часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ, и съ равной легкостію улосилось въ облака, даже и за облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало моря, и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ исторіи. Тамъ романтическое воображеніе его гуляло на просторѣ съ полнымъ удовольствіемъ; онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ, и колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ остался тѣмъ-же колонновожатымъ и въ старости. Гуннами, Визиготами и Остроготами, Вандалами, Лонгобардами, Маркоманнами, Герулами, Аварами вомысалъ онъ еще гораздо смѣльѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ Бородинскимъ или Тарутинскимъ полками. Намраво, налѣво, маршъ! Лонгобарды, что стали на дорогѣ, носторонитесь, уступите мѣсто Вандаламъ, вотъ такъ! Герулы назадъ, Маркоманны впередъ! Авары

торопитесь,— и дикіе варвары, повинувась волшебному жезлу недуманнаго, негаданнаго предводителя, напавшаго на нихъ какъ снѣгъ на голову, спѣшаютъ исполнять его приказанія, снимаются съ своихъ становищъ, поджимаютъ хвостъ и бѣгутъ на указаннныя мѣста, впередъ до новой дислокаціи, боясь только какъ бы не опоздать. Въ Европѣ, наконецъ, Вельтману стало тѣсно, и онъ захватилъ Азію, перемѣнилъ совершенно пути Монголовъ, и помѣстивъ ихъ гдѣ-то на границахъ Грузіи, заставилъ оттуда уже распространяться по Европѣ и Азіи, черезъ Кавказъ, а не черезъ Уралъ. Кончивъ какое-нибудь изъ своихъ изслѣдованій, сіяющій отъ удовольствія, онъ начнетъ, бывало, съ улыбкою объяснять свою систему и ожидать отъ слушателей согласія на его объясненія, такъ вѣрныя, по его мнѣнію, какъ $2 \times 2 = 4$.

Жалею было сказать ему что-нибудь вопреки и разрушать его дѣтское, милое, искреннее очарованіе, и я предъ посѣщеніемъ его всегда приготовлялъ отвѣтъ на его сообщенія, которыми любилъ онъ дѣлать мнѣ, желая услышать мое мнѣніе: „Все это такъ, Александръ Ѳомичъ и, можетъ быть, вы будете вполне оправданы современемъ, но теперь трудно слушателю или читателю принимать безусловно ваши совершенно новыя положенія, которыя, вѣдь, ни много ни мало, переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ настоящія понятія объ исторіи. Для васъ онѣ, положимъ, ясны; но мы не видимъ тѣхъ среднихъ путей, тѣхъ станцій, чрезъ которыя вы дошли до своихъ результатовъ. Въ изслѣдованіяхъ вашихъ нѣтъ строгой послѣдовательности, требующей критикою. Вездѣ скачки, отчего и зарождается сомнѣніе. По свойству вашего воображенія, вы не можете считать: разъ, два, три, четыре, а слыша къ концу восклицаете: разъ, два, пять, семь, двадцать, сто! ну, вотъ мы, ошеломленные, и не можемъ никакъ опознаться. Разумѣется, еслибъ я могъ пересмотрѣть подъ вашимъ руководствомъ всѣ свидѣтельства древнихъ писателей, въ ихъ послѣдовательности, и выслушать ваши объясненія и соображенія, я, можетъ быть, и согласился бы съ вами; но судите сами, могу ли я сдѣлать это: у меня столько возни съ моими Мстиславами и Ярополками, столько задуманныхъ и начатыхъ работъ, что вашимъ любезнымъ остроумамъ не могу удѣлить ни минуты. Дождитесь таковаго же труженника какъ вы, который взялся бы провѣрить добытыя вами положенія“. Тѣмъ бесѣда о переселеніи народовъ у насъ обыкновенно оканчивалась и обращалась къ настоящему времени: въ настоящемъ Вельтманъ скорбѣлъ отъ души, но безъ всякой злости, о петербургскомъ направленіи и расположеніи отдавать преимущество салонному мастерству передъ идеалами поэзіи, живописи, музыки,—направленіи,

которое сбиваетъ съ толку нашу несчастную, неопытную молодежь.

Точно также, по временамъ, онъ горько улыбался, или пожималъ плечами, услышавъ о какихъ-нибудь правительственныхъ распоряженіяхъ или постановленіяхъ, которыя почему-нибудь казались ему нецѣлесообразными или вредными.

Это былъ человекъ добрый, честный, благородный, умѣренный, спокойный; ни въ какихъ сслетняхъ или дразгахъ не принималъ онъ никогда никакого участія. Покойный Загоскинъ сдѣлалъ ему большое добро, доставивъ мѣсто своего помощника въ оружейной палатѣ, съ казенной квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. По кончинѣ Загоскина, онъ занялъ его мѣсто, и сдѣлался, слѣдовательно, еще довольнѣе и независимѣе. Безъ этого мѣста, ниспосланнаго ему какъ-будто свыше, мудрено сказать, чтò сталъ бы онъ дѣлать и какъ жить, ибо литературные труды, которые, впрочемъ, онъ умѣлъ какъ-то пристраивать, не могли обезпечивать его содержаніе. Въ 1849 году, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Москвитянина“, гдѣ помѣстилъ, кромѣ „Чудодѣя“, много мелкихъ статей, занимательныхъ, веселыхъ, своеобразныхъ.

Къ какому бы предмету ни прикасался Вельтманъ, вездѣ онъ, съ неистощимымъ своимъ воображеніемъ, умѣлъ находить стороны новыя, любопытныя и живо, талантливо показать ихъ читателямъ.

Женатъ онъ былъ два раза, и очень счастливо. Первая жена его, урожденная Вейдель, оставила ему одну дочь, бывшую его утѣшеніемъ и вѣстѣ предметомъ сердечныхъ заботъ. Во второмъ бракѣ, имѣлъ онъ даровитую писательницу, достойнѣйшую женщину, Елену Ивановну, урожденную Кубе, преданную ему отъ всей души. Она ходила за нимъ, какъ за дитятей, и изъ-за ея попеченій онъ уже не имѣлъ нужды думать ни о чемъ, и могъ спокойно распоряжаться движеніемъ письменъ вельтическихъ, финскихъ и нѣмецкихъ, по Европѣ и Азіи.

По четвергамъ собирались у него вѣрные друзья и товарищи, между которыми первое мѣсто занималъ долго Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, помѣстившій воспоминанія о Пушкинѣ въ „Москвитянинѣ“ и проч. Иногда читалъ Вельтманъ на этихъ вечерахъ свои приключенія изъ моря житейскаго, иногда Елена Ивановна, авторъ „Лидіи“, „Виктора“ и „Густава принца шведскаго“, что-нибудь изъ своихъ повѣстей. Надо сознаться однако, что онъ вредилъ ей своими совѣтами, потому что у нея былъ собственный, замѣчательный талантъ, и слушаться его, какъ она дѣлала, было ей въ литературномъ отношеніи наврядно.

У нихъ родились сынъ и дочь, для воспитанія которыхъ Елена Ивановна написала нѣсколько полезныхъ сочиненій.

Жизнь ихъ текла мирно и спокойно, среди трудовъ литературныхъ, чистыхъ, благородныхъ, въ обществѣ добрыхъ друзей. Смерть Горчакова, неизмѣннаго товарища и друга со времени первой молодости, была первымъ несчастіемъ Вельтмана, и тронула до глубины сердца. Потомъ обнаружилась мучительная болѣзнь у Елены Ивановны.

Она страдала года два—и счастье семейное помутилось. Она скончалась, и кончина ея сдѣлалась уже ударомъ рѣшительнымъ для несчастнаго мужа. Онъ не перенесъ этой потери, и хотя не показывалъ горести, но внутри страдалъ, страдалъ тяжело, и скончался самъ года черезъ два, также послѣ болѣзни продолжительной и тяжелой. Погребенъ Вельтманъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ подлѣ своей любимой подруги и попечительницы.

Прилагаю письмо ко мнѣ стараго моего университетскаго товарища, А. З. Зиновьева, письмо, въ которомъ сохранены нѣкоторыя черты изъ жизни покойнаго, и потомъ краткое обзоріе его жизни, написанное, кажется имъ самимъ, для какого-то биографическаго изданія, вмѣстѣ со списками его сочиненій.

Апрѣля 17, 1871 г.

М. П. Погодинъ.

II.

Письмо А. З. Зиновьева къ М. П. Погодину.

Кажется въ 1816 или 1815 году я въ первый разъ встрѣтился съ Вельтманомъ, въ бывшемъ пансіонѣ кандидатомъ московскаго университета, Ивана и Алексѣя Петровичей Терляевыхъ, гдѣ я начиналъ, а онъ оканчивалъ тогдашній тѣсный курсъ пансіонскаго образованія. Товарищи Александра Ѳомича смотрѣли на него съ уваженіемъ, какъ на отличнаго воспитанника, даровитаго поэта и музыканта. Отецъ его, заслуженный офицеръ, былъ смотрителемъ такъ называемой ямы, что у Иверскихъ воротъ. Александръ Ѳомичъ часто посѣщалъ нашъ пансіонъ, и если не ошибаюсь, училъ въ немъ играть на скрипкѣ. Въ началѣ слѣдующаго академическаго года, съ другими двумя старшими учениками, Хрущевыми, онъ уже не являлся, и чрезъ нѣсколько времени, неожиданный, изумилъ насъ своимъ посѣщеніемъ: онъ пріѣхалъ въ свѣтскомъ мундирѣ, при саблѣ и шпорахъ, но обошелся со своими прежними товарищами также привѣтливо, также дружелюбно и простодушно, какъ и прежде. Онъ заслужилъ своими отличными успѣхами въ наукахъ въ бывшемъ корпусѣ колонновожатыхъ, учрежденномъ Н. Н. Муравьевымъ. Затѣмъ я уже

его не встрѣчалъ около 30-ти лѣтъ, слѣдя впрочемъ за его успѣхами по службѣ, его литературными трудами, — и крайне былъ изумленъ и обрадованъ, когда въ одинъ изъ прїѣздовъ въ Москву государя императора на торжественномъ выходѣ его величества во дворцѣ, подошелъ ко мнѣ заслуженный генералъ въ Анненской лентѣ, и дружески подалъ мнѣ руку. Это былъ узнавшій меня черезъ столько лѣтъ достопочтенный Александръ Фомичъ, уже отличившійся многими заслугами. Я бывалъ у него послѣ въ его квартирѣ, и былъ свидѣтелемъ, что покойный не различалъ своихъ почитателей по ихъ званію и состоянію. Рядомъ съ полнымъ генераломъ сажалъ бѣдняка, приходившаго къ нему за пособіемъ.

Мнѣ не удалось воспользоваться его всегдашнею готовностію оказать услугу ближнему; но лѣтъ за 5 передъ симъ, и имѣлъ случай убѣдиться, съ какою благодарностію онъ вспоминалъ о давнишнихъ своихъ товарищахъ. Одному изъ нихъ, господину X* въ службѣ не посчастливилось, онъ подвергся въ ней большимъ непріятностямъ, лишился своего состоянія, и находился въ самомъ безотрадномъ положеніи; но лишь только онъ обратился къ Александру Фомичу, какъ этотъ добрый человекъ отправился съ нимъ прямо къ бывшему начальнику столицы генералу Тучкову (кажется также воспитаннику Муравьевскаго заведенія), и недѣли черезъ двѣ, г. X. былъ опредѣленъ въ измайловскую богадѣльню.

III.

Биографическое извѣстіе.

А. Э. Вельтманъ родился 8 іюля 1800 г. въ С.-Петербургѣ, гдѣ отецъ его, уроженецъ Ревеля, служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку въ царствованіе императора Павла. Въ 1811 и 1812 годахъ, началъ онъ свое образованіе въ Москвѣ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Прибытіе французовъ прервало это начало. Въ 1814 году, поступилъ въ партикулярный пансіонъ Терликова и оттуда, въ 1816 году, вступилъ въ корпусъ колонновожатыхъ, подъ начальствомъ свиты его императорскаго величества генераль-маіора Николая Николаевича Муравьева, и въ 1817 г., по экзамену, произведенъ въ офицеры свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части *), гдѣ и продолжалъ свою службу во 2-й дѣйствующей арміи. Въ 1828 и 1829 годахъ, во время турецкой кампаніи, находился при главной квартирѣ старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба и на-

*) Въ бытность колонновожатымъ, составленъ имъ былъ курсъ чистой математики по методу преподаванія въ корпусѣ; изъ этого курса напечатана, въ 1816 году, «Арифметика».

чальникомъ историческаго отдѣленія арміи. Послѣ войны, по болѣзни, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя отечественной исторіи и литературѣ, избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго и одесскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и членомъ московскаго общества любителей словесности. Въ 1842 году, вступилъ снова въ службу помощникомъ директора московской оружейной палаты. Въ 1845 году, по высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ комитета изданія древностей россійскаго государства. При завѣдываніи художественной и административной частію изданія, составленъ имъ текстъ 2, 3 и 5 отдѣленій. Въ 1852 году, назначенъ директоромъ оружейной палаты.

Изданные имъ въ свѣтъ историческіе и литературные труды слѣдующіе:

Первоначальные опыты: Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ.—Муромскіе лѣса, повѣсть въ стихахъ.—Странникъ, 3 части, въ стихахъ и прозѣ.

Повѣствованія въ прозѣ: Кошей безсмертный, 3 части.—Святославичъ, 2 части.—Лунатикъ, 2 части.—Сердце и думка, 4 части.—Новый Емеля, 4 части.—Александръ Филипповичъ Македонскій (продолженіе Странника), 2 части.—Мартинъ Задека, 2 части.—Виргинія, или поѣздка въ Россію, 2 части.—Генераль Каломеросъ, 2 части.—Раина, царевна болгарская (переведена на болгарскій языкъ и издана въ свѣтъ Е. С. Мутевой въ гор. Одессѣ).—Приключенія почерпнутыя изъ моря житейскаго, Саломея 12 частей.—Продолженіе приключеній, почерпнутыхъ изъ моря житейскаго: Чудодѣй, напечатано 5 частей; остальные 7 частей написаны, но еще не изданы въ свѣтъ.

Повѣсти: Урсулъ.—Неистовый Роландъ.—Эротика.—Аленушка.—Пріѣзжій изъ узда, или суматоха въ столицѣ.—Радой.—Путевыя впечатлѣнія и, между прочимъ, горшокъ ерани.—Костенетскія скалы.—Юландя.—Ольга.—Карьеръ.—Дочь Иннократа.—Не домъ, а игрушка.—Два маіора.—Илья Ларинъ.

Драматическія сочиненія: Колумбъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Ратиборъ Холмоградскій, въ 4 дѣйств., въ стихахъ.—Амалатъ-бекъ, въ 4 дѣйств. (содержаніе изъ повѣсти Марлинскаго).—Ночь на Ивановъ день (содержаніе изъ Шекспира).

Сказки въ стихахъ: Троянь и Ангелица—изъ сербскихъ преданій.—Златой и Бѣла—изъ чешскихъ преданій.—Маги и Мидійскіе каганы XIII столѣтія.

Переводъ: Назъ и Дамаанти, 6 главъ.

Историческіе труды: Первобытное вѣрованіе и буддизмъ, 1864 г.—Донъ, 1. Мѣсто ссылки Овидія. 2. Митрополія великія и малыя Руси на Дону съ IV до IX вѣка.—Аттила и Русь IV и V вѣка, и проч.—Очеркъ исторіи Бессарабіи.—Достопамятности Московскаго Кремля (съ рисунками).—Описаніе оружейной палаты (съ рисунками).—II, III и V отдѣленіе текста къ изданію рисунковъ древностей россійскаго государства.—Древнія славянскія собственныя имена.—Слово о полку Игоревѣ (разобрать).

Статьи: Очерки русской словесности: Иаустная литература.—О сохраненіи утварей царскаго чина, во время пребыванія поляковъ въ Москвѣ.

Кромѣ того изданы имъ: Портфель Ломоносова.—Начальное чтеніе для образующагося юношества, 2 части.—Картины свѣта, альманахъ съ политическими.

Послѣ Вельмана остался большой романъ, въ которомъ онъ хотѣлъ описать жизнь русскаго западника и эмигранта, кажется совсѣмъ конченный. Также нѣсколько историческихъ изслѣдованій, которымъ посвящены были преимущественно послѣдніе дни его жизни.

Сообщ. М. П. Погодинъ.

